

Чжэн Ишань говорила с недоумением:

— Он умер два года назад, и я не хотела трогать вещи в его комнате... Мне казалось, что если оставить всё как есть, то он как будто всё ещё жив. Я правда не знала, что там был такой горшок!

Гоу Сунцзэ спросил:

— У тебя есть другие родственники, которые могли бы останавливаться в его комнате?

Чжэн Ишань покачала головой и с горькой улыбкой ответила:

— Это невозможно. Кто захочет спать в комнате умершего? Да и я... уже давно ни с кем не общаюсь.

Неважно, правда это или ложь, любое слово могло стать ключом к разгадке. Как только она это сказала, Ся Сяньнин сразу нашёл полезную информацию и спокойно заметил:

— Если верить твоим словам, то горшок должен был лежать под кроватью два года. Почему на нём нет ни пылинки, а гу летающей головы внутри сделана совсем недавно?

Услышав эти слова, Чжэн Ишань резко изменилась в лице и воскликнула:

— Что ты сказал? Гу летающей головы?!

Если бы она была красавицей, её испуганный вид мог бы вызвать сочувствие, но изуродованное лицо делало её выражение скорее пугающим, чем трогательным.

Гоу Сунцзэ даже немного смутился, притворившись, что записывает, чтобы опустить взгляд. Однако Ся Сяньнин, словно не замечая ничего, продолжил смотреть на Чжэн Ишань, анализируя её реакцию.

— Ты знаешь о гу летающей головы.

Он говорил утвердительно. Чжэн Ишань потёрла нос, не отрицая:

— Слышала от стариков в родной деревне, но сама с этим не сталкивалась.

— Правда? — Ся Сяньнин не стал комментировать и резко сменил тему. — Тогда ты его тоже не видела?

Он надел прозрачные перчатки, достал горшок, завёрнутый в пластиковый пакет, и неожиданно опрокинул его на стол. Из горшка выкатилась голова — незавершённая гу летающей головы.

Гоу Сунцзэ выругался:

— Вот это да!

Как только голова выпала из горшка, из её глаз, носа и рта пошла кровь, и она, вращаясь, поднялась в воздух, издавая хриплый смех.

— Вниз!

Ся Сяньнин, действуя молниеносно, бросил жёлтый талисман, который с громким стуком пригвоздил голову к столу.

Чжэн Ишань с широко открытыми глазами и разинутым ртом казалась парализованной от ужаса.

Среди троих только Ся Сяньнин, инициатор этого действия, сохранял полное спокойствие и спросил:

— Рассмотрю хорошенько. Видела раньше?

Чжэн Ишань, спустя некоторое время, заикаясь, ответила:

— Нет, я правда не видела... Я ничего не знаю...

Её пальцы, лежащие на коленях, сжались, и она почувствовала, как ладони покрылись потом.

В этот момент телефон Ся Сяньнина на столе загорелся, и он, увидев сообщение от Ло Инбая, слегка смягчил холодное выражение лица. Разблокировав экран, он прочитал, что Ло Инбай просил его спросить Чжэн Ишань, знает ли она Дай Вэйцзе.

Ся Сяньнин последовал просьбе.

Его вопросы были неожиданными, и Чжэн Ишань уже с трудом успевала за ходом мысли. Она кивнула:

— Знаю... Ну, не то чтобы знаю. Он же знаменитость, я знаю его, но он вряд ли знает, кто я.

— На самом деле, мне кажется, что Чжэн Ишань довольно жалко. Я раньше видела её в сериалах, она была такой красивой и перспективной, а теперь оказалась в таком положении.

За пределами комнаты для допросов, за мониторами, сидели Юэ Лин и Ло Инбай. Оба были общительными и к этому моменту уже успели подружиться.

Юэ Лин, просматривая запись допроса, между делом обсуждала дело:

— Но в доме жили только она и Чжэн Хуэй, а его дата рождения указывает на то, что он точно умер. Если не она, то кто ещё может быть подозреваемым?

Она повернулась к Ло Инбаю и увидела, что тот рассеянно листает телефон, вертя в левой руке ручку, будто даже не смотрит на экран.

Юэ Лин, обладая хорошим зрением, заметила, что он ищет в интернете что-то вроде «уроков макияжа», и слегка удивилась.

Услышав её слова, Ло Инбай поднял голову и улыбнулся:

— Когда она услышала слова «гу летающей головы», её глаза посмотрели вверх и вправо, а когда она говорила, что не знает о гу, она непроизвольно коснулась носа. Это типичные признаки лжи. Я думаю, что по крайней мере о гу она знает не понаслышке.

Юэ Лин удивилась:

— Ты это заметил?

Ло Инбай открыл блокнот на столе:

— Я всё записал. Но, несмотря на это, я всё же считаю, что она не виновна.

Блокнот был закрыт, и когда Ло Инбай его открыл, Юэ Лин увидела, что страницы исписаны аккуратным, изящным почерком, где были чётко перечислены все подозрительные моменты допроса. При этом Ло Инбай не выпускал телефон из рук — он мог одновременно заниматься двумя делами, используя обе руки.

Юэ Лин почувствовала себя ошеломлённой и с уважением сказала:

— Мистер Ло, ты, наверное, отлично учился в школе.

— Пожалуйста, не называй меня так, я чувствую себя стариком.

Ло Инбай улыбнулся и предложил:

— Зови меня Сяо Ло или Инбай.

Юэ Лин, отвлечённая его необычными навыками, на мгновение забыла, о чём хотела сказать, но затем продолжила:

— Хорошо, Сяо Ло, почему ты думаешь, что Чжэн Ишань не виновна?

Она сделала паузу и добавила:

— Даже не слушая допрос, я чувствую, что в её взгляде есть что-то зловещее. Она действительно кажется подозрительной.

Ло Инбай покачал головой:

— Иногда я думаю, что видеть слишком много — это не всегда хорошо. Глаза и уши — это единственные две вещи, которые могут обмануть разум, легко уводя нас в неправильном направлении.

Юэ Лин переспросила:

— А?

Ло Инбай пожал плечами:

— Внешность человека может быть слишком изменчивой.

Юэ Лин, не зная его хорошо, не сразу поняла, что он имел в виду, но через некоторое время, кажется, уловила суть и спросила:

— Ты имеешь в виду, что её внешность не соответствует действительности?

Едва она задала вопрос, дверь за ней открылась, и в комнату вошли Ся Сяньнин и Гоу Сунцзэ.

Ло Инбай, не оборачиваясь, продолжил:

— Внешность может отражать внутренний мир, но также может быть изменена внешними силами. Ты говоришь, что в её взгляде есть зловещий оттенок, и это правда. Но этот оттенок поверхностный, вызванный шрамами от огня, а не естественным внутренним состоянием.

Он добавил:

— Кроме того, я недавно изучал труды об искусстве гу. Я считаю, что если бы она использовала гу летающей головы для убийства, то смогла бы временно отделять голову от тела и выживать. Теоретически, это позволило бы голове поглощать энергию луны и солнца по ночам, и её шрамы могли бы зажить.

Юэ Лин наконец поняла и, представив себя на месте Чжэн Ишань, почувствовала, что восстановление внешности было бы для неё спасением.

Ся Сяньнин, сняв перчатки и выбросив их в мусорное ведро, сказал:

— Я согласен.

Все смотрели на него, ожидая, что выдающийся начальник Ся добавит что-то важное, но он вдруг нахмурился и, подойдя к Ло Инбаю, спросил:

— Что с ухом?

Ло Инбай тут же начал жаловаться:

— Смотри, это всё из-за тех дурацких серёжек, которые я сегодня надел! Они мне ухо поцарапали! Смотри, смотри!

Ся Сяньнин осторожно прикоснулся к его мочке уха, а Гоу Сунцзэ с усмешкой заметил:

— Такая мелочь, а ты кричишь, как будто тебя ножом ударили. В прошлом году мне в живот воткнули, и я не так орал. Ну и неженка!

Он тоже подошёл посмотреть:

— Ой, нагноилось, наверное. Может, мазь какую-то намазать? Брат, зачем ты вообще серёжки надел? Вдруг отец узнает, он тебя точно убьёт.

Отец Ло Инбая был известен своей строгостью, он хотел, чтобы сын вёл себя как маленький монах, и даже джинсы с дырками ему не разрешал, не говоря уже о таких аксессуарах.

<http://bllate.org/book/15511/1395853>